

"Кричи, петух, тайник заветов,
Где каждый стих неизречён,
Кода звезда в слепленье веток
Горит рождественской свечой."

Из этого четверостишия Александра Проханова разросся новый роман автора (Проханов Александр. Тайник Заветов. — СПб.: Пальмира, 2021. — 164 с.). Трижды возгласил алектор — и современный человек отрёкся от чего-то очень важного, драгоценного в самом себе. Золотой петухом "шевельнулся, встепленулся", со своей вершины посмотрел во все стороны света, затянул за горизонт, увидел надвигающегося врага, беду грядущего века. Петух, сокрытый в подполе русской избы от зимней стужи, остановил на авторе тревожный глаз — в его глубине мелькнула тайна мироздания...

Герой романа "Тайник заветов" — Иван Алексеевич Мартынов — историк, специалист по раннему периоду большевизма. Не только в имени, но и в естестве его есть что-то бунинское: во всём он ловит "лёгкое дыхание", душа его находит отдохновение "меж колосов и трав". Он ощущает, что есть в мире нечто такое, что не может встать в себя быстротечная человеческая жизнь. Человек временно обижен: тайна велика, а срок, отпущенный на её постижение, не соизмерим с этой величиной — только сделаешь шаг, а век твой уже истёк.

Отсюда интерес героя к ранней советской поре, к её жажде ускорить движение, продлить жизнь, превратить человека в могучего великана, чтобы он распахнул запертую дверь, вошёл в тайник заветов, не остановился в неведении на пороге. Великие свершения требуют адамовой долготы дней. Этим объясняется стремление первых большевиков к бессмертию, к земному воскрешению почивших, на что работали целые научные институты, ради чего привлекался разнородный мистический опыт.

Получив доступ к секретным архивам, Мартынов узнаёт, что большевики имели особый источник преобразующей энергии — Тунгусский метеорит. Расплесканный учёными на фрагменты и привезённый в Москву, он творил чудеса: от прикосновения к метеорным камням физики совершали революционные открытия, поэты писали небывалые стихи, войны становились преодолимыми. Этими камнями вымостили Красную площадь — и советская цивилизация, превратившись в реактор новых смыслов, вот-вот должна была открыть человечеству путь к преобразению. Но после смерти Сталина метеорные камни на Красной площади заменили обычными бульжниками, а чудодейственные с секретного склада были украдены.

Мартынов задаётся целью разыскать камни, уповав на то, что их преобразующая сила возродит Россию, вернёт ей былое величие, утолит извечное русское чаяние бессмертия. В своих поисках он знакомится с Марией Гонкур — сотрудницей лаборатории трансгуманизма — которая вербует новых клиентов, желающих жизни вечной. Ивану Алексеевичу кажется, что он нашёл в Марии единомышленника, кажется, что лаборатория трансгуманизма с её медицинскими, кибернетическими и магическими возможностями — это современное продолжение большевистских идей о бессмертии. Ивана Алексеевича поражает мысль Марии о том, что смерть угодна Богу: "Смерть — главное содержание жизни. Смерть задумана Творцом, чтобы сотворённый Им мир продолжал меняться, обретал всё новые формы и божественное творчество не прекращалось".

Героя поражает и сама Мария: удивительная, оборотистая, она похожа одновременно на всех красавиц мира, она прожила десятки жизней в разных эпохах. Она Лилия Брик, Лени Рифеншталь, принцесса Диана. Она первая любовь Ивана Алексеевича из далёкой юности. Она Венера, рождённая из морской раковины на картине Боттичелли и "Матерь мира" — повелительница трёх лун — Николая Рериха. Мария — "вечная женственность". Она творит особую "музыку сфер", от её прикосновения рождаются такие мелодии, такие "поэмы экстаза", до которых не дотянулся даже Скрибин. Влекомый этой музыкой, как дудочкой Нильса, Мартынов следует за Марией.

В их поисках бессмертников перед Иваном Алексеевичем поставлена конкретная задача: выдавать себя за воскресшего и, рождая поэтические образы и таинственные символы, рассказывать о своём постижении неземных миров. Фантазийное слово неожиданно оказывается настолько достоверным, что сам мифотворец уже готов воспринять его как реальность: он то ли тихий ангел, то ли дух изгнания, но ему ведома судьба каждого узренного.

В захватывающих и опасных поездках с Марией, в кругу новых знакомцев Мартынов осознаёт, что главный вопрос для человека не в "чём смысл жизни?", а в "в чём

смысл бессмертия?", "ради чего ты хочешь жить вечно?" Олигарх — ради гедонизма и власти. Генерал — ради тщеславия: "принять участие во всех войнах и победить в них". Учёный-астрофизик грезит о полёте на Марс и рассуждает о всепообеждающей силе Любви во Вселенной, а на самом деле жаждет вернуть себе, как доктор Фауст, былую молодость и красоту. Президент Белоруссии Лу желает пережить врагов и союзников и станцевать на их могилках. Оппозиционер Аристарх Нагульный — разоблачить всех коррупционеров, даже муравьёв, в среде которых он запермил отступление от демократических норм. Игумен монастыря порывается воскресить технологиями трансгуманизма почившего монаха, чтобы явить православным чудо.

Так, всеми претендентами на воскрешение и вечную жизнь движет не большевистская жажда преобразования, не русская мечта, а грех. И потому всё, что прорезают они в процессе воскрешения, то грядущее, которое открывается им, подобно второй смер-

манистами по велению греха человек множит в мире пустоту, заражает всех вирусом пустоты, убивает всё живое.

Мартынов понимает: если принять, что смерть угодна Богу, то бессмертие станет угодно дьяволу. Лаборатория, которой служит Мария — фабрика дьявольского бессмертия, генератор пустоты, мора и ужаса. В ней висюды висят таблички с надписями: "Смерть прожить — не поле перейти", "Смерть моя, иль ты приснилась мне?", "Сестра моя — смерть".

Эмблема лаборатории — серебряная белка, что скачет по древу жизни с одной эволюционной ветки на другую, грызёт людей будто орешки, вынимает из них изумруд души. Её заветная цель — запрыгнуть на ту ветку, где "не люди отбрасывают тени, а тени отбрасывают людей", где воцарится вечная смерть, где Россия — Душа мира — обратится в Бездушие мира, где солнце России закроют чёрным квадратом.

На чёрных квадратах происходят воскрешения в лаборатории трансгуманизма.

НЕ БОЙСЯ УМЕРЕТЬ

Роман «Тайник заветов»
Александра Проханова

ти. Олигарх видит восторжествовавший панмонотизм: китаец, заполнивших не только всю планету, но и всю Вселенную, и лишь на её задворках сохраняется небольшое гетто запуганных русских. Генералу открывается новая война между сверхдержавами, но уже бесконечная во времени и в пространстве, где театр военных действий опалил все планеты солнечной системы. Астрофизик поражен рождением новых галактик, явлением нового райского сада, но и туда добираться эмий, но и туда проникает первородный грех, но и там пускаются старость и уродство. Президент Лу — генсек Александр IV, помазанный на царство в константинопольской Святой Софии, правитель евразийской империи — разорван необъятным властным пространством. Монах попадает в мир победившего негритадо, где Адам — негр, автор Теории относительности — негр, первый человек в Космосе — негр; где от последних белых избавляются лёгким удашающим приёмом, где все полотна в галерее мира вытеснил "Чёрный квадрат". Оппозиционер очутился в алхимической лаборатории, производящей людей без души, порождающей кричащую пустоту.

Такой лабораторией и является схрон трансгуманистов. Всё, что увидели воскрешённые, не вмещается ни в сознание, ни в сердца, ни в глаза их, а значит, надо освободить место, изъять из человеческого природы что-то отныне лишнее — душу. Теперь тело — пустой кувшин, который можно заполнить чем угодно, титпан, из которого можно извлекать потребные трансгуманистам звуки. Но пустота бездушной не запоминана ничем, это чёрная дыра, разъятая в человеке. Без души человек подобен персти земной, в которую Творец не вдунул жизнь. Весь человек, целиком, превращается в пустоту, становится носителем пустоты: его глаза мертвы, слова бесцветны, дела бесплодны. Воскрешённый трансгуманистом

Эти чёрные квадраты и есть метеорные камни, которые искал Мартынов, но здесь их превратили в надгробные плиты для русского человека, русской мечты, русской души: "Мы торопимся успеть до того, когда грянет беда. Человечество начнёт исчезать, как исчезли мамонты и динозавры. Мы создаём людей, которые переживут катастрофу и не продолжат род людской. Мы делаем это не от себя, не по прихоти. Нам поручили эту работу само человечество. Мы страдамы человечеством, которое вот-вот исчезнет. Но не исчезнет, потому что мы создаём людей, стойких к ужасным переменам". Такова проповедь трансгуманистов, но чёрные зёрна "ужасных перемен" разбросали именно они.

ТРАНСГУМАНИЗМ противен русскому человеку, хотя ему дорога и научная мысль, и технический прорыв. Наша идея — органопроекция: продолжение человеческого тела и сознания в пространстве с помощью изобретений и орудий труда. Человек-великан построил высоты, дошёл до Арктики, дотянулся до Космоса. Идеолог органопроекции в России, учёный и священник Павел Флоренский убеждал, что тело — дом души, и, расширяя через деятельность границы тела, мы пространством на всё мироздание душу, превращаем целый мир в дом, уютный духу, а не в "улей опустылений", в молчащие "гробницы, мумии и кости".

"Тайник заветов" — кульминационный роман в череде прохановских романов о расчеловечивании. "Теплоход "Иосиф Бродский", "Цифра" — тоже о вмещательстве в природу человека, о лишении его Адамова облика, о дьявольском вторжении в Божественный замысел. "Тайник заветов" — это разоблачение трансгуманизма как совокупиления аских технологий, как онтологической идеи жизни плоти или сознания ценой отказа от неба. Здесь показано, ничего не мог ему ответить, и лишь стремительная жалость, что жала моё сердце, что как будто не было встречи, а вот и прощание уже... и я ничего не мог ему сказать, потому что моё сердце разрывалось от жалости"...

Боль от разрыва с ушедшими родителями, боль единения со страдающим сыном — вот что даёт Валентину возможность через акт высшего отчаяния найти выход из "ада повседневноности", прорваться к вневременному, увидеть Вечность..."

"И когда Валентин открыл дверь, когда почти задохнулся от сдавленного крика, что никого больше нет, что отныне никогда здесь никого не будет, не встретят его они, отец и мать, что их уже нет, закрыв лицо руками, долго стоял посреди пустоты, слёзы текли, что их больше нет..."

Герой находит силы противостоять грозящему гибелью враждебно-бытийственному потоку. Долг сохранения единства с сыном и лада с самим собой, поиск цельности мира побуждают его к реальным действиям. В каком-то смысле они несут символически-абсурдный характер. Валентин решает во что бы то ни стало достроить дом и выкопать колодец.

"Дом, новый, выстроенный, и... такой ничкёмный, такой бессмысленный. С зелёной крышей, защищающей от дождя, с колодцем под яблоней..."

Роман Андрея Бычкова отличает эстетический безупречный слог и сюжетная чёткость и выверенность. А за проскальзывающим временем от времени "чёрным юмором" ощущается страшный, обжигающий читателя, вневременной холод, явление лика истинной Вечности, вергающее душу в ступор экзистенциального ужаса.

"Он знал, что там, где-то там, в самом центре мира, в его отчаянности, скрыт странный низвергающийся огненный столб. И боялся заглядывать. Но сейчас он словно бы находился в себе силы, на которых он мог бы безопасно парить вокруг этой безумной оси. Он словно бы научился сейчас извлекать из её золотого безумия то, что другие люди называли реальностью..."

Универсум как "строгий бог", требующий служения себе через абсурд ритуалов рутины реальности, стандартизированной ежедневности, всё же даёт человеку надежду прорыва через отчаяние, через "золотое безумие" — к вне-выходу, взлёту, перевоплощению и вхождению во вне-бытие себя нового.

"Раньше он боялся её, или не знал, как с ней, с этой реально-стью, обращаться. Это было или необразимо скучно и однообразно, или бесконечно трудно и тяжело. Или страшно. Иногда ему просто казалось, что у него не хватает сил. Он не понимал этот закон силы, которую надо непрерывно, или как-то скачками, наращивать, что надо почему-то всегда в каком-то усилии продолжать. Завершать начатое".

Юрий СОШИН

не как воскрешается человек, а как рождается гомункул. Родается роденовский "Мыслитель", склонивший голову, смотрящий на прах земной и способный размышлять только о прахе. Роман, художественный образ, метафорический язык часто гораздо убедительнее, действеннее научных работ, направленных против трансгуманизма. Об-раз ещё явственнее показывает, как важна жизнь, как ценны душа и высокое небо.

Мартынов, подобно святому Исповеднику Мартину — обличителю монофизитов в первые века христианства — бросил вызов монофизитам нового времени, сведшим человека к его телесной природе. Мартынов пожертвовал телом ради спасения своей души и души всего мира. "Вечная женственность" Марии Гонкур обернулась для героя "мировой скорбью", движения, рождающие "музыку сфер" оказались ударами смерти. "Но не бойся умереть. Смерть — всего лишь видение, полёт вспять через жизнь, через роман, возвращение в самый счастливый мир, туда, где "к милосердным коленным припа" — по-настоящему становившись бессмертными.

ЕЩЁ НЕ ЗАВЕРШИЛИСЬ 2021 год, а в нём уже созданы, изданы, запущены в читательское сознание три романа о трансгуманизме. Одновременно с Александром Прохановым на эту тему откликнулись Владимир Сорокин с "Доктором Гариным" и Виктор Пелевин с "TRANSHUMANISM INC.". С одной стороны — Проханов, с другой — Сорокин и Пелевин: писатели, закрепившиеся на разных идейных и идеологических платформах, имеющие полярные точки зрения на русскую историю, русские деяния, русское грядущее, но при этом всегда испытывавшие сродное стремление разорвать завесу действительности, явить многобтие. Пелевин и Сорокин — деструкторы, прозекторы, Проханов — создатель и реаниматор. Таким они предстают в постсоветской системе литературных координат.

Но теперь реальность — надвигающаяся или уже наступившая — подала таинственный сигнал, и наиболее чуткие антенны творческого сознания уловили его. Уловили как новую загадку бытия и одновременно её отгадку. Трансгуманизм увачен писательскими радарными не только как научная доктрина, философема, бытийное устремление тех, кто убоится своей смертности. Трансгуманизм дешифрован как новая эстетика, как художественный потенциал. Проханов, Пелевин и Сорокин пошли к этому источнику, как разнородные обитатели джунглей во время засухи, как истощённые бойцы враждующих армий, обивавшие перемри ради живительного потока.

Формируется, как после большого взрыва, новая вселенная литературного процесса. Преодолевается вакуум постмодернизма и тулик реализма. Там, где раньше было "пост-", возникает новая приставка — "транс-": "транс-модернизм", "транс-реализм", "транс-литература", "транс-лит" — перевод с языка действительности на язык инобытия и обратно. Это приставку "транс-", определяющую облик будущего, предстоит отбатарь у тьмы, распада и скверны, у транс-гена и транс-гендерности. Транслитература говорит о трансцендентном, она идёт "через" человека не как через барьер, а как через "то, что следует преодолеть", а как "через" канал, "через" мост от сегодня к бесконечности. Это литературный Трансбис, литературная Трансатлантика.

На этом пути предвидятся открытия: новый тип героя, новое художественное время и пространство, новые взаимоотношения литературы и действительности — всё то, чем определяется новый творческий метод. Транслитература — будущность, которая уже наступила. Это не фантазия, не фантастика, не фантези о будущем. Это прогноз, рождённый творческим опытом. Это прозрение через художественный поиск.

Вот почему зачинателями нового этапа литпроцесса стали не "молодые и дерзкие", а накопившие опыт жизни, опыт эксперимента, те, кем аккумулярованы знания целых поколений. Транслитература рождается в новой тошкве по мировой культуре, но не только по минувшей, но и по той, которой ещё предстоит случиться. Тогда изменится всё: густота тьмы и яркость света, созвучия слов и сочетаемые красок. Что было формой, станет содержанием, а содержание превратится в форму. Многие пока не распознаются рядовым человеком, не умеается в обденное сознание. Лишь литература способна прозревать, изображать и осмысливать. И тот, кто в своих философских, социальных, политических устремлениях хочет быть "с веком наравне", а на век впереди, должен пристально вчитаться в транслитературу.

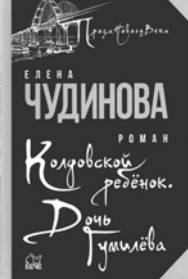
Михаил КИЛЬДЯШОВ

Иллюстрация: рисунок Александра Проханова

ЖЕМЧУЖНЫЙ СОН ЕЛЕНЫ ГУМИЛЁВОЙ

Конструированная реальность
писательницы Чудиновой

Чудинова Елена. Колдовской ре-бёнок. Дочь Гумилёва. — М.: Вече, 2021. — 480 с.

ЕЛЕНУ Чудинову я впервые увидела... по телевизору. Шёл 2006 год, и вся Москва обсуждала её книгу — страшное пророчество "Мечеть Парижской Богоматери". Экран поль-хал! Интеллигентного вида миниатюрная женщина сражалась с агрессивными оппонентами, в числе которых был Эдуард Багиров — автор нахуемшего "Гастарбайтера". Устроители шоу свели на ринге две противоположности. Обычно я переключаю то-шок-дебаты — неинтересны вопищие тошноты, но тут оказалось иное: хрупкая дама шла на таран, отстаивая не-популярную среди истеблишмента и про-чей богемы точку зрения. Потом в моей жизни были и другие книги Чудиновой. Вот "Декабрь без Рождества", где автор посягнула на очередную "святыню" нашей полу-интеллигенции — на декабристов с их звериной сутью, прикрытой романти-ческими вуалями. И, наконец, изысканная "альтернативка" о белогвардейской Рос-сии "Побьдители", вызвавшая маниакаль-но-депрессивный психоз у интернетных псевдо-коммунистов и диаваных любите-лей подражёрстки. Один из важнейших выводов Елены Чудиновой: революции нико-го не делают счастливыми. Ни одна из революций! Ни английская, ни француз-ская, ни тем паче — русская. Бунт — путь в никуда. Точнее, в ад, причём сразу для всех: и для врагов, и для адептов.

Новая история Елены Чудиновой, только что вышедшая из печати, продол-жает начатую тему. Выбрана необычная глав-героиня. Елена Николаевна Гуми-лёва — забытая биографами девочка. Будто бы ничейная. Жила тихо, умерла так же. Дочь легендарного отца и ари-стократки-матери. Да, но всё как-то за кадром. Все знают её сводного брата — Льва Гумилёва — сына Большого Поэта и Гранд-Поэтезиса. Его — родоначальника головокружительной теории пассионар-ности, фаната Степи, Орды, евразийста помнят даже те, кто никогда не открывал "Этногенез" и запутался в хитросплетени-ях "Хунну". Тогда как Леночка Гумилё-ва — дочь, рождённая Анной Ангель-гардт, — осталась в тени. Вы скажете: она ничего не изобрела, не сочинила, не про-славилась. Оно так. Жила в граде Петра и умерла в Блокадном Ленинграде. Пе-тербург-Петроград-Ленинград. Питерская дворянка, из лишенцев превратилась в мужественную ленинградку.

Судьба Леночки незавидна (вроде бы!), однако, в романе Чудиновой мы не увидим стенаний, истерик и претензий к миру. Это вам не Киса Воробьянинов с Васисусликом Лоханкиным. Времена не выбирают — от-крыску "Белогвардейского стихоплёта", де-кадента, эстета мало что светило в "нашей буче — боевой-кипучей", как назвал крас-ную эру футурист-Маяковский. И тем не менее счастья не занимать. Оно разлито в прохладном питерском воздухе. О второй вдове Гумилёва, Анне Энгельгардт всегда цедили безо всякого пиетета: мол, "пела по кабакам" в эпоху НЭПа, затем под-визалась в кукольном театре. Чудинова рассказывает иную, тонко-драматическую историю выживания и преодоления. Автор возвращает нам забытую, вернее, забро-шенную драгоценность — из таких судеб складывается коллективная биография.

Повествование делится на две части — предвоенную и блокадную. В первой мы знакомимся с семейством Энгельгардт, вторгавшая в мир ленинградской комму-налки, где живут "господа-бышние" после грандиозного "уплотнения". Чудинова иро-нически описывает люмпенов, поселён-ных в бывшие детокую и столовую. Сейчас модно трепаться, что большевики пра-вильно делали, уплотняя буржуинов. По чести говоря, теснили не столько фабри-

кантов, спевших, роняя тапочки, удрать в Париж, сколько интеллигенцию и высоко-квалифицированных рабочих, имевших до революции собственные квартиры, пусть и небольшие. Я бы предложила нынеш-ним адептам уплотнитель пустить к себе... да хотя бы свою же тещу. Не нравится? А почему? Это же такой превеликий ак-коллективизма, о котором любят вздыхать сытые владельцы приватизированных мо-сковских "трёшек".

Может показаться, что Чудинова, вслед за профессором Преображенским, не лю-бит пролетариат, ибо часто употребляет слова "пролетарский", "пролетарка" в уни-чижительной форме, но это не так: здесь нет упоминания о рабочем классе. Про-летарий пишется в исконом, латинском значении — proletarius — буквально "про-изводящий потомство", а не создающий блага. Привычная терминология тут не поможет. Кроме того, наиболее мерзкие фигуры — либо декассированные ошмётки, либо дворяне, вроде мистика-чекиста Глеба Бокия, чей предок-хитачик упоминал аж в переписке Ивана Грозного с Курбским. Мелькает и зловещая фигура Теодора Эйхманса — звероподобного при-балта, первого коменданта Соловецкого концлагеря — тут своеобразная полемика с прилепниской "Обителью".

ОСНОВНОЙ и неоспоримый талант Елены Чудиновой — в конструиро-вании реальности. Её миры — будь то фантазийные или исторические — уди-вляюще осязаемы. Идёт погружение. Чита-тель ощущает кожей всё, что происходит на страницах её книг. Тепло весеннего дня в Летнем саду, шелест ветра, затхлость коммунальных углов, запах библиотеки, блокадный морок — всё это раскрывает-ся безо всякого нажима. У Чудиновой нет смачных описаний и пахучих словес, ко-ими грешат многие современные авторы (такие, как Людмила Улицкая или, напри-мер, Марина Степнова). Тут всё точно, даже лагидарно, без нагромождённых из-лишеств — зато всё ясно.

Дочь Гумилёва рисуется не в качестве жертвы: она проживает невероятно свет-лую, наполненную волшебным сиянием жизнь, и это среди лишений и дистаρμο-нии: "Знаю тайн не любит. Лена сама тай-на. Лена знает дорогу и влечёт за собой". Её антипод — Клара, дочь комиссари-сы Эсфери Моисеевны. Расхожий тип задо-рной и озлобленной активистки, вечно до-носящей — не из корысти и не из полити-ческой надобности, а по велению души. Впрочем, и Клара соткана из противоре-чий: автор не лишает исковерканное чдо-вище любовной мук. Не животной похоти в духе мадам Коллонтай, о которой также упомянуто, но именно любви. Чудинова не отпускает до брани в отношении тех, кто враждебен её мирам: в описаниях нарко-мов, надзирателей, краснокосясных де-вушек отсутствует истерика. Напротив, На-талья Розенберг — актриса немого синема и юная супруга Луначарского — красавица и лубезница, вертлявая богиня на каблук-ках; Ягода поигрывает в шахматы; Бойкий изящно тушит окурок о китайскую лаковую коробочку: порча красивых вещей достав-ляет ему эстетическое удовольствие.

Блокадные картины — тяжёлое чте-ние, а уж каково это писать! Хроника умирания. Летопись расчеловечивания, когда очередной труп на улице, посреди имперского шика и дорических колонн, становится обыденностью. Известно, что героиня романа тоже умрёт. У автора нет права на спасение: мы силой пера не можем спасти Марию-Антуанетту от ги-лотини, Николая II — от пули, а дочь Гу-милёва — от голодной смерти. Но автор осталась верна себе: она подарила Ле-ночке сон в "жемчужную ночь" — а белые ночи и впрямь жемчужные. Предсмерт-ная грёза девушки — это поездка в звеня-щем трамвае, туда, в мирную жизнь, где нет голода, бомбёжек, мрака, и кажется, что Леночка вынырнула в той параллель-ной реальности, что была срежиссирова-на Чудиновой ещё в "Побьдителях"...

Галина ИВАНКИНА

Бычков Андрей. Тот же и другой. — СПб.: Алетейя, 2020. — 130 с.

В 2020 ГОДУ в издательстве "Але-тейя" вышел роман "Тот же и дру-гой" Андрея Бычкова, признанного мастера слова и стиля, одного из лучших писателей современной России.

Новая работа мэтра посвящена поиску ответов на извечный вопрос соотношения индивидуального и мирового бытия, рас-крывает перед читателем картину жизни наших современников в лучших традици-ях русской классической литературы, для которой описание мира неотделимо от вечных проблем человеческого суще-ствования. Роман Бычкова мудр, актуален и философичен, являя собой современную русскую версию экзистенциализ-ма, отсылающую как к Достоевскому, так и к каработкам XX века, в лице того же Камю.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ВЕЧНОСТЬ

О новом романе Андрея Бычкова

Основная особенность классической русской литерату-ры — это постановка извечных проклятых вопросов в от-ношении к реальному человеку, где или попытки их разрешения. В современной русской литературе подобного уровня рефлексии, пожалуй, не достигал никто, кроме Ан-дрея Бычкова.

Кстати, совершенно непонятно, почему этот аспект тради-ции ушёл на второй план. Гротеска, иронии, многообразного фантези разного уровня талантливости и сложности — этого хватает в избытке. Так же, как и натуралистических описаний "кондовой действительности", хотя то, что есть, — в подавля-ющем большинстве случаев лишь попытки механического ко-пирования повседневной рутины.

Описать же внутреннюю и внешнюю жизнь русского чело-века в контексте его духовных проблем, мук и надежд на бо-лее глубоко, чем на этот способный "реалистические" авторы, уровне никто, кроме Бычкова, по сути, и не пытается.

Мир не даёт шанса героям романа "Тот же и другой" на экзистенциальный гомеостаз, на спокойное и безмятежное существование. Главный герой романа Валентин — сильная личность. Но тяжёлые испытания: смерть матери и отца, вдо-бавок подростковая депрессия его сына Филиппа, осложнен-ная суицидальными попытками, — выбивают даже и Вален-тина из реальности. Перед ним встаёт вопрос о собственной жизни. Спасает героя любовь, всё та же духовная связь ме-жду отцом и сыном: "...Когда мы ехали с твоим дедом в боль-ницу, когда я узнал, когда он сказал мне в машине, и я не мог,

ничего не мог ему ответить, и лишь стремительная жалость, что жала моё сердце, что как будто не было встречи, а вот и прощание уже... и я ничего не мог ему сказать, потому что моё сердце разрывалось от жалости"...

Боль от разрыва с ушедшими родителями, боль единения со страдающим сыном — вот что даёт Валентину возможность через акт высшего отчаяния найти выход из "ада повседневно-ности", прорваться к вневременному, увидеть Вечность..."

"И когда Валентин открыл дверь, когда почти задохнулся от сдавленного крика, что никого больше нет, что отныне никогда здесь никого не будет, не встретят его они, отец и мать, что их уже нет, закрыв лицо руками, долго стоял посреди пу-стоты, слёзы текли, что их больше нет..."

Герой находит силы противостоять грозящему гибелью враждебно-бытийственному потоку. Долг сохранения един-ства с сыном и лада с самим собой, поиск цельности мира побуждают его к реальным действиям. В каком-то смысле они несут символически-абсурдный характер. Валентин решает во что бы то ни стало достроить дом и выкопать колодец.

ИРОНИЧЕСКИЙ ВАТНИК

В мире Пелевина больше нет литературы

Пелевин Виктор. Transhumanism Inc. — М.: Эксмо, 2021. — 608 с.

НАСТУПАЕТ СЕНТЯБРЬ, и вот прихо-дит долгожданный Пелевин — как ман-дарины к Новому году. Пелевин — лю-бимый писатель в своём жанре для лучшей части читателей "Завтра" в жанре философ-ской сатиры а la Voltaire. Пелевин — автор "Завтра", хотя он, вроде, никогда не писал для газеты. Он иронический ватник; недаром в но-вом романе появляется оппозиционное СМИ будущего "Ватинформ". Возможно, поэту литературная тусовка России, ориентирую-щаяся на американские тенденции, так его незлюбила.

Было бы больше демократии на Западе — Пелевина перево-дили бы; но, увы, свобода слова осталась только в России. Только его ранние "антисоветские" повести известны в США; когда автор взялся за актуальные темы, его перестали переводить на англи-ский. Но для нас, русских читателей, каждая его новая книга важна.

В новом романе, как всегда, есть ответы на актуальные вопро-сы современности. Не на все вопросы. Чего там нет — это ковида и вакцин. Осторожный мастер решил обойти этот слишком острый (как холокост) вопрос. А то "забанят". Только одна фраза выдаёт его отношение. Биороботы "холеры" должны ходить с маской на лице: "По закону, холеры должны постоянно ходить с маской на лице, вне зависимости от эпидемиологической обстановки. Сами холеры не болены, но бессимптомно разносили вирус".

Действие романа происходит через 200—300 лет, когда "зе-лёная повестка" уже победила, матриархат восторжествовал; нефть низвергнута, электричество — редкость, только для богатых; люди попроче обходятся керосиновыми лампами; машины — редкость, ездит на телегах с "чипированными" лошадьми; народ ходит с мозговыми имплантатами и постоянно слышит голос своего электронного помощника. Зато вышее началось живёт в раю и оттуда рулит народом.

Хорошая новость: даже тогда Россия останется независимой; более того — в России сохранится путинизм. У руля партия сердо-бол-большевиков. Путин будущего (по прозвищу "бро куратор") похож на Путина нынешнего, да и Россия будущего похожа на нашу Россию сходством сатиры, как город Глупов похож на Тверь (где служил Щедрин). Будущим Путиным становится писатель, синтез самого Виктора Пелевина и Захара Прилепина, с добавкой В.Ю. Суркова. Россия по-прежнему самостоятельна и независима, хотя её лидеры — их мозги — стоят на полке в бунке-ре, но и там они планируют поддерживать геополитический баланс

ужаса и уничтожения с хозяевами мира и лелеют сверхоружие, способное уничтожить всё человечество в ответ на агрессию. С геополитикой всё у них хорошо.

Но, к сожалению, как и в сегодняшней России, хозяева мира больше влияют на происходящее в России, чем Путин, даже иде-альный Путин Проханова. Россия Пелевина — такое же царство матриархата и геев, как и прочий мир. Та же зелёная повестка. Сто-ронники будущего Путина — немного. Голос социальных сетей строго против них, как и сейчас. Бро куратор и его министры по-зволили хозяевам мира взять под контроль мысли своих поддан-ных. Зачем? Чтобы заработать на рекламе? Чтобы их мозги были взяты в Лондон, избежали смерти и попали в рай (его электронную симуляцию)? Видимо, всё проще: они не могли отказаться.

Ведь наши мысли под контролем хозяев мира уже сейчас. По крайней мере, они стараются. А Путин и его команда вынуждены это учитывать. Если бы они плюнули на всё и возвели в России царство читателей газеты "Завтра", они бы оказались в вакууме. Элиты не поддержали бы. Мастера культуры были бы не с ними, потому что мастера культуры хотят признания в Париже и Вашинг-тоне. Да и есть хотят, а Департамент культуры Москвы, с его гигант-ским бюджетом — самая антипутинская сила в стране, куда круче, чем "Эхо" Газпрома.

К слову, Декулуп упоминается в романе. "Средства из бюджета выделялись на поддержание русской литературы, но всё воровал Декулуп (не зря его называют Департаментом Культи — они уме-ют только ампулировать всё талантливое, внедрять апробирован-ное и утверждённого автора, и финансировать свою мафию)".

В мире Пелевина больше нет литературы. Да и искусства толь-ком нет. Но есть непрерывное обовланивание, льющееся широкой струей в уши и глаза — как будто тамошние жители навеки при-кованы к непрерывно вещающему телевизору. А он показывает — что нужно хозяевам. (Только Кремль вне поля действия транс-ляторов.) Собственно, трансгуманизм оказался просто запредель-ной формой тоталитарности по американскому образцу. Во главе корпорации "Трансгуманизм" — Цукерберг, нет, конечно, Голден-штерн, которого и помнить по имени нельзя.

Пелевин отвечает на вопрос, что всё это безобразие учинил. За мощной компанией "Трансгуманизм Инкорпорейтед" стоят "черти", хорошо знакомые нам (по "Империи V") вампи